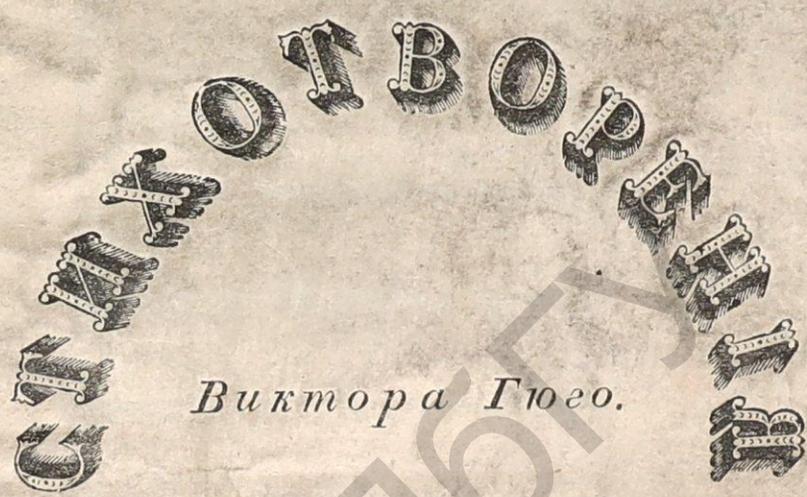

№ I 3387

ЛИРИЧЕСКІЯ

Виктора Гюго.

Перевелъ съ Французскаго
М. Сорокинъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1834.

Отдел
редких
книг

СПбГУ

488

26 Февраля 1834

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Отъ Содержателя Типографіи.

Симъ свидѣтельствую, что книга сія по силѣ § 37
Устава о Ценсурѣ, прилагаемая припомъ одобренную въ
Ценсурѣ Рукопись, напечатана во всемъ сходно. — *Генва*

ря 26 дня 1834 года.

И. О.

Содержатель *Земкинъ.*

№ 17. Дубина 1834
8 133 87

ЛИРИЧЕСКІЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

Виктора Гюго.

В. Гюго
26 Января. 1834.
Генерал Кавалерит

M. W. D. [unclear]

[Faint handwritten notes, possibly a list or ledger entries]

ALPHABETIC

INDEX

George [unclear]

[Large handwritten mark or signature]

1913

87 3387

ЛИРИЧЕСКІЯ
СТИХОТВО-
РЕНІЯ.

Виктора Гюго.

Перевель съ французскаго

М. Сорокинъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. БЕНКЕНА.

1834.

Лен. Гос. Ун-г
Научная
библиотека им
Горького

Перев. 1950

4517

1833 18

ВІДВЕРНЕНІЯ

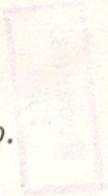
СТОХОДІТЬ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣмъ, чшобы по оппечашаніи, представлены были
въ Цензурный Комитетъ при Экземплярѣ.

Санктшпешербургъ, 14 Іюля 1833 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

СЛОВО

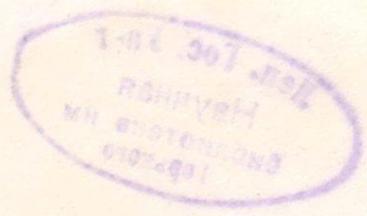
1833

6

САНИТЪ ПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи Н. Венкина

1833

П И Р Ш Е Ш Т В Е Н Н А Я
П Ъ С Н Ъ Н Е Р О Н А .

Nescio quid molle atque facetum.

Horatius.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

МОСКВА 1867

СЛОВО

Ш И Р Ш Е С Т В Е Н Н А Я
П Ъ С Н Ъ Н Е Р О Н А .

Друзья, друзья, насъ скука умерщвляетъ.
Гоните грусть!..... обычный мудрыхъ
гласъ.

На дивный праздникъ васъ Неронъ сзы-
вашь —

Неронъ — Владыка, Консуль въ прешій
разъ;

Вы помните ли бой рабовъ со львами?
Звѣрь яроспный невольниковъ перзалъ;
А цѣпи ихъ мы скрыли подъ цвѣтами,
И люпней звукъ ихъ воли заглушалъ.

Пора! Взойдемъ на темя эпихъ башень!
Мгновеніе — и цѣлый Римъ сгоритъ;
По заданіямъ симъ пламень пробѣжитъ,
Ногнѣвъ его для насъ не будетъ спрашенъ.
И пиршества, и бой раба со львомъ,
При видѣ семъ друзья мои забудутъ
Здѣсь семъ холмовъ обширнымъ циркомъ
будутъ,
Гдѣ мощный Римъ побореся съ огнемъ.

Такъ веселился обладапель Рима
Спраданьями презрительныхъ рабовъ;
Такъ сынъ Сашурна, скукой одержимый,
Въ забаву мечетъ громы съ облаковъ.

Пиръ начался: небесный сводъ темнѣеть,
Уже пожаръ надъ городомъ возникъ;
Уже крыломъ своимъ багровымъ вѣешь
И высунуль свой огненный языкъ.

И къ зданьямъ симъ, какъ бы ласкаясь къ
милой,

Чудовище ихъ дымомъ обложило,
Въ неистовой любви освирѣпѣвъ;
И изнывають въ пламени палаты,
Какъ юноша въ объятыхъ дѣвы сжасный...
О, для чего же, какъ пожара гнѣвъ —
Сжигаешь въ моихъ объятыхъ не могу я
И умерщвляешь восшоргомъ поцѣлуя?!

Раздался крикъ! Какъ пѣни, успра-
шеный,

По площадямъ скипаетъ народъ;
И пишина на спогнахъ, поспешенно,
Могильная по всюду настаешь.

Врата златыя и столбы мѣдныя
Огнь ярешный облегъ и растопилъ;
И вошь, волной клокочущей и рдяной
Въ дрожащій Тибръ, дымяся, покашилъ.

И порфики изъ злата и порфира...
Ихъ красота въ огнь испреблена,
И у подножія кумировъ
Изгладилась свящныя письма;
И пламень все изнепелилъ жестокій;
Разрушенъ Римъ! Такъ восхопѣлъ Неронъ:
И бурные, горящіе попоки
Разносишь рѣзвый Аквилонъ.

Проси, проси, надменный Капитолій,
Великолѣпный Силлы водоемъ!
О славный градъ, скажи: шакой ли доли
Ты ожидалъ въ величїи своемъ?

Надъ цѣлымъ Римомъ пламень сокру-
шишель,
Со всѣхъ споронъ подъявнійся, шумишь:
Благодари его земли власпшель!
Вънецъ прекрасный онъ шебъ даришь.

Издѣшсшва Римъ, Сивиллы гласомъ
льспивымъ
На славное безсмертье обрѣченъ:
И вѣрилъ онъ, безумный и счасливый,
Что временемъ не будешь побѣжденъ;
Что лучъ ему завѣщанныя славы
Надъ колыбелію его горѣлъ;
Но палъ онъ жершвою моею забавы —
И вопъ его безсмертія предѣлъ!!

Смошрише, какъ пожаръ во шьмѣ глубокой
Далекую окрешность освѣшилъ:
Самъ Героспранъ зависпливое око,
На подвигъ мой, дивясь бы, обрашилъ.

Вопль, мой народъ, кипящими волнами
Со всѣхъ споронъ охваченный, бѣжишь....
Снимише мой вѣнецъ, украшенный цвѣ-
шами!

Ихъ люшый пламень опалишь.

Когда мы праздничныя шогг наші,
Пируя, кровью обагримъ;
Фалерномъ мы наполнимъ чаши,
И смоемъ кровь дымящуюся имъ.
Средь люшыхъ игръ, сшенаній и мученій
Возвышенныхъ поищемъ наслажденій:
Будь прокляшь шопъ, кому пріашень
сшонъ!

Пусть вопли заглушишь кимваловъ
громкій звонъ!

Постигнуль Римлянъ гнѣвъ мой спра-
ведливый

Я сокрушилъ ихъ града красоту:

.....
.....
Пусть сонмъ рабовъ, сей карой успра-
шенный,

Мнѣ почесши, какъ Богу воздаешь!

Ихъ духъ, и робкій, и надмѣнный
Изобрѣшашь боговъ ни успеешь.

По спогнамъ симъ за шѣмъ неукро-
пимый,

Губительный пронесся ураганъ,

Чтобъ, обновя красу и славу Рима,

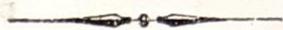
Онъ испребилъ Хриспіянъ;

Чтобъ въ пламени погибшая столица

Искала въ нихъ своихъ причину слезъ

Рабъ, принеси душистыхъ розъ кош-
ницу! . . .

Какъ сладосно дыханье юныхъ розъ!

.....

ВОИНСКІЙ КЛИЧЬ

МУФТИ.

Hierro, despierta te!

Воинскій кличъ Альмогаваровъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

УНИВЕРСИТЕТ

СПбГУ

БОИНСКІЙ КЛИЧЪ
МУФТИ.

Пусть рапники на смертный бой идушь,
Во имя Бога и Пророка!
Псы ноги льва уснувшего грызущь;
Но часъ опмщенья не далеко!

Алла на нихъ изрекъ правдивый судъ!
Нагрѣньше, храбрые, толпою!
Они вино, не насыщаясь, пьютъ;
Они живутъ съ одной женою.

Да испребиися гнусныхъ Франковъ родъ!
Воспой побѣдную молитву,
Ты, храбрый Спагъ, и ты, Тимариошъ:
На смертную сѣвшице бишву!
Нешерѣливо кобылицы ржапъ,
И воютъ трубы боевыя;
Косыя сабли, спремена звучашъ,
И треугольники злашыя.

Разрушьте ихъ, нечестья полный, спанъ,
Какъ некогда слуга Пророка,
Сынъ Орпогрула, храбрый Опшоманъ,
Опустошалъ страны Воспока.

НЕВЪСТА ЛИТАВРИЦКА.

БАЛЛАДА.

Douce est la mort qui vient en bien aimant.

Сонетъ Депорша.

HERBERT A. THEATRE

B.A.A.A.A.

Do not eat in front of the house on this night.

General Assembly

1967

Тамъ Европа, законами въ законахъ;
На планетъ какъ неспиритныхъ торахъ;
И въ отъездъ какъ жила болоннахъ;
Ордажоннахъ тудъ бекисъ вранъ.
Послѣдны въ бокъ Ландшаднахъ;
Юнакъ вѣдѣхъ сирѣхъ;
Межъ ними вѣкъ вѣдѣхъ сирѣхъ —
Тудъ жилахъ мѣлохъ.

НЕВѢСТА ЛИТАВРЩИКА.

Она жилахъ мѣлохъ въ вѣдѣхъ;
Но болоннахъ сирѣхъ вѣдѣхъ;
Всѣ сирѣхъ вѣдѣхъ мѣлохъ.

4517

Собирается Герцогъ Бретанскій:
Загремѣла война;
Развились на долинахъ Морпанскихъ
Межъ полковъ знамена.

Тамъ Бароны, закованны въ лашахъ:
На щипахъ ихъ песпръюшъ гербы,
И въ опчизнѣ ихъ замки богашы,
Окружающъ глубокіе рвы.

Посѣдлы въ бояхъ Паладины;
Юныхъ рыцарей спрой:
Между ними всѣхъ краше единый —
Мой женихъ молодой.

Не Баронской, не Графской породы:
Онъ липаврщикомъ былъ на войнѣ;
Но богашымъ его воеводой
Всѣ считающъ въ чужой спорнѣ.

Всѣхъ плѣнилъ онъ собой, сановишый,
Величавымъ челомъ;
И кавшанъ его, золопомъ щипый,
Ярко блещеть на немъ.

Его жребій съ моимъ съединивши,
Трепещу, не спокойна душой:
Ямолилась, колена склонивши,
Предъ иконою Бригишны святой.

Будь мой храбрый, безспрашный воинъ
Межъ мечей не вредимъ!
Пусть крыломъ его Ангель Хранитель
Освняешъ своимъ.

Я Аббапу сказала: молишвы
Возсылай, мой опецъ, къ Небесамъ;
Помолись за сподвижниковъ бшвы,
Божью милоспъ пошлн ихъ полкамъ.

У насъ мощи Жилдаса свяшныя. —
Я обѣщъ имъ дала,
И въ слезахъ, при свѣчи восковыя
Передъ ними зажгла.

Объщались, тоской одержима . . .
О Лорешская Божія машь,
Къ брыжжамъ раковины Пилигрима,
Осѣнившись креспомъ, привязашь.

Онъ не могъ, въ уполеніе муки,
Мнѣ прислашь письмеца;
Иль, въ знакъ вѣрной любви и разлуки,
Золопаго кольца.

Еслибъ Графъ или рыцарь былъ милый,
И когда бъ я была госпожа:
Онъ послалъ бы конюшаго къ милой,
Я къ нему бы послала пажа.

Онъ сегодня и съ Герцогомъ вмѣстѣ
Возвращишся домой:
Ахъ, онъ сколько и счасшья, и чеспшья
Подаришъ мнѣ съ рукой.

Уже Герцогъ съ изорваннымъ знаменемъ
Въ шоржеспвѣ съ поля бишвы идешь:
Соберемшесь, подружки, и спанемъ
Тамъ, подъ сводомъ спаринныхъ ворошъ.

Полюбуетшесь Герцогомъ, сестры,
И моимъ женихомъ,
Какъ въ полпѣ онъ появился несстрой
На конѣ, на лихомъ.

Конь игривый идешь, чуюшь не пляшешъ
Подъ богатымъ хранишь чепракомъ;
Какъ, понуривъ онъ голову, машешъ,
Какъ онъ машешъ пунцовымъ перомъ.

Ахъ, какъ ваши медлишельпы сборы;
Что шеперь за нарядъ?
Ужъ липавры знакомыя скоро,
Будно громъ, загремашъ.

Его плащъ я, подружки, богачый,
Вышивала сама серебромъ;
Ачело украшаешь космачый,
Какъ вѣнецъ, величавый шеломъ.

Я съ цыганкой гадала, и чшоже . . .
Межь гробовъ, въ споронъ,
Окаянная . . . Господи Боже!!
Напророчила мнѣ:

Не молися: напрасны молишвы.
Тошъ спасень, кшо, сражаясь, падешъ.
Всѣ придуть, всѣ придуть съ поля бишвы;
Но Липавщикъ одинъ не придетъ.

Ахъ, коснешся ли адская сила
Огражденныхъ крешомъ?
Хошь цыганка, вчера, на могилу
Указавши перешомъ,

Мнѣ сказала съ улыбкой зменной:
Завтра ждешь тебя буду сюда!
Но Создатель защитникъ единый,
И мольбой отврашися бѣда.

О нѣтъ, пусть меня мысли печальны
Въ эпоху день не мушашь.
Чу, ужь кликъ раздаея ликовальный;
Барабаны спучашь.

Вошь и дамы шѣснятся толпами,
И колеблешь народъ знамена,
Многолюдная площадь цвѣтами
И палашками вся убрана.

Рапоборцы, при кликахъ веселыхъ,
Въ пухъ обратный шекушь;
Вошь ряды, посмошрише, шяжелыхъ
Копьеносцевъ идушь.

Посмотрите ка, въ бархатныхъ покахъ
Вошь Бароны, на борзыхъ коняхъ;
Вуйный въперъ развѣялъ широко
Передъ ними разпущенный спягъ.

Вошь священники, въ ризахъ, соборомъ
Въ парчевыхъ спихаряхъ;
Вошь Герольды, въ богатыхъ уборахъ
И на бѣлыхъ коняхъ.

Въ память предковъ и дѣлъ ихъ великихъ,
Спарины по закону святой,
Изъ нихъ каждый гербами владыки
Изукрасилъ нагрудникъ спальной.

Вошь Хрисповой зашипки вѣры,
Все въ Персидскихъ броняхъ,
Нашихъ рыцарей цвѣтъ, Тамплеры,
На могучихъ коняхъ.

Вошь жандармы изъ дальней Лозанны:
Жажда крови ихъ въ бой увлекла:
Длинные оспрые ихъ першизаны;
Ихъ колесы изъ кожи вола.

Вошь и Герцога спягъ, окруженный
Паладиновъ полпой;
Вошь знамена враговъ побѣжденныхъ;
Вошь липаврщиковъ спрой.

И сказала, и очи вперила:
Его ищешь въ спѣсенныхъ рядахъ;
Въ ней надежду боязнь замѣнила
И румянецъ пошухъ на щекахъ.

И въ полнѣ равнодушной, безспрастной,
Преклоняя къ лону земли,
Упадаетъ хладна и безгласна....
А липаврщики мимо прошли.

Вот и кончилась наша жизнь,
Итак кончилась наша жизнь,
Итак кончилась наша жизнь,
Итак кончилась наша жизнь.

Вот и кончилась наша жизнь,
Итак кончилась наша жизнь;

Вот и кончилась наша жизнь,
Итак кончилась наша жизнь;

Итак кончилась наша жизнь,
Итак кончилась наша жизнь;

Итак кончилась наша жизнь;

Итак кончилась наша жизнь;

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ

АРАВИТЯНКИ.

И у насъ населитесь : и се земля про-
странна предъ вами : населитесь, и
куплю дѣйте на ней, и припаяжите
на ней.

Бытія Гл. XXXIV' ст. 10.

ИСТОРИЯ РАССКАЗАННАЯ

ВЕРИЛИНА

С 1767

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ
АРАВИТЯНКИ.

Покидаешь ты насъ, чужеземецъ молодой;
Не плюнися ты нашею лънью;
Ни маиса кудряваго пышной главой,
Сстройной пальмы роскошною тѣнью.

Ахъ, оспанься у насъ: подъ швой сладо-
спный гласъ —

Не забуду я эши нацъвы —

При сiаньи луны, въ сладкiй вечера часъ,
Пляшущъ наши спыдливья дъвы.

Я сама швоего осъдмала коня.

Какъ прекрасенъ швой конь быспро-
ногiй!

Не спрашисъ, ужъ шеперь онъ не сбро-
ситъ шебя

На каменя: ихъ много въ дорогъ.

Онъ, какъ вихоръ—владыка пусыни —
лешипъ;

Мечущъ искры лихаго копышы;

Конь швой черенъ, какъ черенъ при-
брежный границъ,

Океана волнами омьпый.

Для чего ты не поешь, кто въ опчи-
нѣ свяшой,
Подъ навѣсомъ вѣшвей или шкани,
Вдохновенный и праздный, ликуешь
душой,
При разказѣ чудесныхъ преданій.

Одна, можешь, изъ насъ, чужеземца любя,
За порогомъ домашняго крова,
И себѣ послужишь, и деляшь себя,
Преклонивши колена гопова.

Ты задремлешь, и спанешь она надъ
побой
Припѣвая, махашъ опахаломъ,
Чтобъ швой кропкій, въ пиши, не на-
нарушенъ былъ сонъ
Насъкомаго вреднаго жаломъ.

Будно улей пчелиный, мой тихій шаперъ
Къ верху острый конецъ возвышаетъ,
И въ немъ дверь опворяется съ той
спороны,
Ошколь ласпочка къ намъ прилепаетъ.

Но о дѣвахъ пусыни, подругахъ моихъ
Вспомани хоть однажды въ дорогѣ,
Какъ плясали онѣ, на морскомъ берегу,
Обнаживъ свои быстрыя ноги.

Не забудь нашихъ дѣвъ, въ опдаленныхъ
краяхъ,
Перелетною пшичкой порхая:
Ахъ, изъ нихъ не одна шяжко, шяжко
вдохнешь,
Объ шебъ, милой гопшь, вспоминая.

Не увянь, цвѣтъ прелестный, подъ
солнцемъ степей,
Опъ палящихъ лучей не укрьтый:
Передъ нимъ лица смуглыя злапомъ
горяшь,
Но румяныя сохнушь ланишы.

Берегися спарухи, чпо позднимъ лушемъ,
Одиноко, дрожащая бродить;
Иль пого, кпо на желпомъ пескъ, въ
вечеру,
Вьльымъ посохомъ круги выводить.

**РАМОНУ
ГЕРЦОГУ ДЕ БЕНАВЪ.**

Por la boca de su herida.

Гильеиъ де Каспро.

PAROISSIENS
LEPPOTY

С 1767

Par la voie de son...

Imprimerie de...

**РАМОНУ
ГЕРЦОГУ ДЕ БЕНАВЪ. (°)**

Твою улыбку понималъ я:
Такъ скорби ядъ въ душѣ шая,
Несчастный узникъ захопалъ,
Когда опчаянно внималъ:
Тебѣ закона приговоръ
Судилъ изгнанье и позоръ.

(°) Посвящается И. К. Гебгарду.

Твой мрачный и спокойный видъ
Не скажешь, что душа паншъ:
Не измѣнишь ей блескъ очей.
Такъ, надъ пучиною морей,
Перунъ мгновенно пролещишь,
Минушвыиъ блескомъ озаришь
Поверхноснъ гладкую одну;
Но не проникнешъ глубину.
«Ужели должно, — ны въ отвѣтъ —
Мнѣ слезы лишь подъ игомъ бѣдъ.
Ни братъ родной, ни нѣжный другъ
Монхъ не усаждали мукъ.
Другъ счастье дѣлишь: но оно
Судбою мнѣ не суждено.
И состраданія слезой
Вы облегчили жребій мой?
Я слишкомъ дорого купилъ
Тѣ слезы, кои въ грусти лиль,
Чтобы удѣлъ несчастный мой
Дѣлишь съ докучливой полпой.» (9)

«Но должноль плакать и вздыхать,
Себя несчастнымъ называешь?
Въ чемъ прелестъ жизни для иныхъ,
То скорбь и грусть въ глазахъ моихъ.
Ахъ, все минувшее за мной
Покрыто безоправной мглой;
Увяли юности мечты,
Какъ облепѣвшіе цвѣты.
Другимъ любовь — но для меня
Угаснулъ пламеникъ ея.»

«Я ни супруги, ни дѣшей
Не прижималъ къ груди моей,
И никогда ревнивый взоръ,
Ко мнѣ склонившися, укоръ
Не выражалъ. Надежды нѣтъ
Ждешь въ будущемъ оправныхъ дѣшей.
Оно, озлобившись, одни
Слушай мнѣ горестные дни.
Средь тѣмноты передо мной,

Безмолвно грозною толпой,
Возспавъ изъ подъ сырой земли,
Двѣнадцать призраковъ прошли;
Но къмъ душа полна молъ —
Не примѣчалъ той тѣни я.

«Какъ сокрушительно тяжка
Судьбы враждебная рука,
Обрушась надъ главой моей,
И съ каждымъ днемъ все тяжелей.
Но вѣчно гордаго чела
Она унизишь не могла.
Минувшей юности, мечтамъ
Безумной славы — симъ цвѣшамъ,
Въ дорогъ жизни, не цвѣши.
Капона гордое: *прости*,
Я безнадежно имъ сказала.»

«Прекрасный жизни цвѣшь увяль:
И я спрдаю одинокъ, —

Того хощель свирѣпый рокъ,
Его безсильные рабы,
Спрадась въ молчаньи будемы мы;
И рань моихъ сердечныхъ,
Холодный не увидишь свѣтъ,
Увы, кого печаль спрашишь,
Вниманья тоишь не обратишь
На скорбь, сокрытую въ груди,
Мнѣ нѣшь поварница въ души,
Мнѣ соспрананіе людей
Самой печали тяжельй.

«Ужь жизнь, надеждамъ измѣня,
Давно опвергнула меня.
Когда . . . и въ шомъ вамъ нужды нѣшь.
Любви вль зависни въ ошвѣшь,
Мои глаза блестяшь порой
Огнемъ веселья, или шоской
Омрачены . . . Давно пуспа
Ужь чаша жизни; но уша

Досель, жадныи, хранящье
На нихъ не высохнувшій ядъ.
Корабль волной не побъжденъ,
Когда еще съ ней спорить онъ;
Когда, надъ пенной волной,
Качаетъ гордою главою»

«Что свѣша шумъ, ?... иль звукъ цепей,
Иль спонь рабовъ, иль смѣхъ дѣтей.
Такъ, я хочу, подобно всѣмъ,
Несши тяжелый мой яремъ,
Безъ помощи руки чужой,
Доколь часъ насшупишь мой...
Пускай пробьешь... нѣтъ нужды вамъ—
Молвы безсмысленнымъ рабамъ,
Какой гробницы приметъ съвѣ
Мою спрадаальческую вѣнь.»

Такъ, другъ, мнѣ слышался въ пинии,
Твой спонь изъ глубины души;

Какъ лиры звукъ, помленье полнь,
Какъ тихій ропотъ зыбкихъ волнь.
И—въ бившѣ доблестный боець —
Твои спрданья — швой вѣнецъ.
Того не розами вѣнчашь,
На чьемъ чель побѣдъ печашь.
Кшо горькихъ слезъ не проливалъ,
Высокихъ пѣсень не пѣвалъ.

Какъ плугъ, ошъ упренней звезды,
На нивѣ роешь борозды;
Снемнѣешь день: не ушомлень,
Все также ниву роешь онъ: —
Такъ сердце рвешъ швое всегда
Неушомимая бѣда,
Въ ошпервененіи своемъ.
Но если пламеннымъ мечемъ
Твой духъ несчастія разяшь:
Они ему благошворяшь!

Как ты, друг, помыслишь полна,
 Как твой родной родина зыбнет волна,
 Не в блуде дождливый бочок —
 Твой спускает — широй банда,
 Того не познав вранья,
 На асфе вель подде пераши,
 Как топанит овец не прощавая,
 Восточка враня не шавая,
 Как ты, друг, что ты, родной асфел,
 На шав бочка бочка,
 Снежинка дель: не шавая,
 Все шавя шавя бочка шавя,
 Так шавя шавя шавя шавя,
 Шавя шавя шавя,
 В шавя шавя шавя,
 Не шав шавя шавя шавя,
 Твой шав шавя шавя шавя,
 Ош шав шавя шавя шавя!

Б И Т В А .

БАЛЛАДА.

Рапи движущся: ужасная ошибка, ужасные вон-
ны, ужасные раны, ужасная битва.

Гонзало Берцео. Битва при Симапкасѣ

F. H. T. B. A.

1877

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
CHICAGO, ILL.

1917

БИТВА.

Паспухъ, назадъ! Смотрика, подь холмами,
Льсь оспрыхъ коий движешся гуспой;
Одна толпа къ другой толпѣ подходитъ:
Вожди ведутъ ихъ на кровавый бой.
Ты слышишь ихъ несповые клики!
Трещещь шь!... То гуль ихъ пѣсень

Льсь оспрыхъ коий движешся гуспой.

«Соколъ, коршунъ, вранъ, орелъ,
Мы для васъ гошовимъ пищу:
Прилежайте къ симъ полямъ,
Какъ къ разрышному кладбищу!
День угаснешь — и со днемъ
Врагъ издохнешь подъ мечемъ.
Имъ послѣднюю вечерню
Ихъ священникъ прочишалъ;
Насъ же пашерь, ошуская
Въ дальній пушь, благословлялъ.»

Галбертъ, Баронъ Нормандскій, и Ронанъ
Князь Галловъ здесь сошлись; посмо-
Норманецъ быспръ и щылокъ дикій
Томъ лапами звѣнящими покрышый;
Другой въ звѣриной шкурѣ: не шелома,
А волка паспъ зубасная на немъ.

«Плачь, рви волосы, вдовица!
Сирота, шони въ слезахъ!
Пыль и кровь мы завпра смоемъ
Моря синяго въ волнахъ.
Спань въ огонь, ряды стѣснише!
Въ шрубы звонкія шрубисше!
Пущь дрожишь презрѣнный врагъ!
Мы его разрушимъ силу,
И въ семь полъ каждый холмъ
Обратимъ ему въ могилу.»

Вошь, поданъ знакъ! Сошлись рапи ихъ,
Сквозь пыль вдали, какъ молнія сквозь
шучи.

Какъ два коня, что удила грызущь,
Иль два вола сшибающя могучихъ:
Такъ, съ яркимъ прескомъ, спрой на
спрой летишь,
И звукнулъ мечь о щипъ, и мѣдь брянчишь.

«Грянемъ! . . . Рогъ призывный воешь;
Раздался оружіѣй спукъ;
Гуль Норманскаго кларнета
И прубы Саксонской звукъ.
Вы, сверкающія жала
Алебарды и кинжала,
И мечи, и шопоры,
Межь разбишыми бронями,
Какъ колючій тернъ въ поляхъ,
Воздымайпесь оспріями!»

Да гдѣ же солнце? . . . Вошь, горипшь въ
дыму,
Какъ красный щипъ, въ горнилѣ рас-
каленный.
Опъ крови паръ, въ парахъ сверкаешь
спаль;
И спало поле печью разожженной.
Подумаешь, что тамъ, освирѣпъвъ,
Разверзся ада яросшнаго зѣвъ.

«Вписнулась полпа въ полпу;
Бой гремишь, долина спонешъ,
И воишеля нога
Въ язвѣ раненаго понешъ.
Въ дикой ярости своей,
Грудь желѣзную коней
Обгрызаешъ пѣхопинець :
Конь испуганный дрожишь;
Алебарда, ударяясь
О чепракъ его, звенишь.»

Разсѣяны и воины, и кони.
Окровавленной кожей облеченъ
Свирѣпый Галль; съ опвагою упорной,
Сражаешся на прупахъ брашій онъ.
Какъ на спѣны устремлены ихъ пики,
Прошивъ Нормановъ, на коняхъ великихъ

«Изломавъ свой мечъ, злодѣя
Камнемъ, посохомъ рази!

Ногшемъ ты его царапай,
Зубомъ ты его грызи!
Не дари врага пощадой:
Слава падшему наградой.
Чшобъ и завтра всякъ изъ насъ,
Ожидая новой брани:
Копія не выпускаль
Изъ облипой кровью длани!»

Пойдемъ, паспухъ; ужь ночь, а бой сильнѣе;
Сильнѣй мечи и бердыши стучать;
Безъ всадниковъ въ долину кони рыщутъ..
Пойдемъ: безъ насъ они борьбу рѣшатъ.
Всѣхъ завтра сонъ спокойнѣевождедѣнный,
И побѣдителей, и умерщвленныхъ.

ФЕЯ И ПЕРИ.

БАЛЛАДА.

Leur ombre vagabonde, à travers le
feuillage,
Fremira; sur les vents ou sur quelque
nuage,
Tu les verras descendre; ou, du sein
de la mer
S'élevant comme un songe, étinceler
dans l'air.
Et leur voix, toujours tendre et dou-
cement plaintive
Carresser, en fuyant ton oreille atten-
tive.

André Chénier.

PAR M. DE LA

DE LA

Leur ombre vagabonde, à travers le
leillage,
Et leurs yeux sur quelque
moyen
Tous ces regards ; car du sein
de la main
S'élevant comme un
feu
Et leur voix, tout
Cependant, en levant son
trou
dans l'air.

ФЕЯ И ЦЕРИ.

I

За могилой берегись, дѣши,
Чшобъ враждебный духъ не соврашилъ
Вашихъ душъ съ пуши къ свяшному небу.
Мнѣ мудрецъ однажды говорилъ:
Спасены ошъ вѣчнаго мученья
Тьмы духовъ враждебныхъ, искони

На землѣ, въ огнѣ, въ пучинахъ водныхъ,
Въ воздухѣ скипающія они.

До поры, опринушыя небомъ,
Ждушъ они пришествія Христа.

Голосъ ихъ, какъ голосъ Херувима,
Ангеловъ краса — ихъ красота.

Берегитесь, и нѣтъ дѣла знашь вамъ,
Гдѣ бѣ ни слышалъ повѣсть я сію:

Мнѣ ее рассказывали дѣды,
Я, какъ слышалъ, вамъ передаю.

II

Ш Е Р Ш.

Юная душа, куда ты?

Къ небесамъ твоей душѣ лежишь:

Для себя въ мои палаты

Входи, душа мое, открыши.

По поднебесью летая,
Ты заблудишься въ пущи,
И двѣрей завѣшныхъ рая
Тебѣ вѣчно не найши.
О, за мной, гдѣ ярко рдѣешь,
Средь смѣющихся долинъ,
Золописный апельсинъ;
Роза пышная алѣешь.
Будешь въ шѣхъ мѣстахъ гуляшь;
Будешь видѣшь съ новоселья,
Какъ шволя рыдаешь мать
Надъ швоею колыбелью.
Гдѣ, изъ недра синихъ водъ,
Дня свѣшило вытекаешь;
Безумолкный хороводъ
Тамъ подругъ моихъ вишаешь.
И когда я между нихъ,
Быспрокрылая летаю:
Всѣхъ сесшеръ шогда моихъ
Красошю помрачаю.

Посмотри на мой нарядъ :
Киспи на челмѣ злапыя,
И рубины дорогіе
На рукахъ моихъ горящъ.
Я лечу . . . и издалека
На крыль моемъ блестящъ
Три сверкающія ока.
Близною рамена
Ослѣпительной покрывы;
Грудь колышеть, какъ волна,
Розой рдѣющя ланишы.
И во всѣхъ мѣстахъ, всегда,
Гдѣ, безмершная, лепаю:
Я блиспаю, какъ звѣзда,
Какъ цвѣшокъ, благоухаю.

Ф Е Я.

О, за мной, дитя прекрасное!
Я Царица въ шѣхъ спранахъ,

Гдѣ, склоняясь, солнце ясное
Погружаешься въ волнахъ.
Тамъ, лучами увѣнчанная,
Я по воздуху лечу:
Прикоснуса ли къ шуману я —
И шуманъ озолочу.
Тамъ мои палашы дивныя
Въ черныхъ шучахъ созданы;
Цѣпью памъ непрерывною
Вьюшся призраки и сны.
Вьюшь два крыла прозрачныя
Сзади бѣлаго плеча;
Такъ блестяшь средь ночи мрачныя
Два серебряныхъ луча.
Сладкій голось, будшо соннаго
Тихій ропощъ ручейка;
А дыханье — благовоннаго
Дуновенье вѣшерка.
О, за мной, въ спрану счастливую
Благодашную мою,

Гдѣ, съ улыбкой, я игривую
Пѣсню звучную пою.
Разгоняя шучи инея,
Вихремъ мчашься я люблю;
Я качаю волны синія,
Въ полѣ правку шевелю.
Оскорѣй, къ сѣранамъ пѣмъ радоешнымъ!
Я съ побою улечу —
И шебя шамъ громкимъ, сладоспнымъ
Пѣснямъ ппичекъ научу.

III

Щ Е Р И.

О Воспокъ! Тамъ солнце пышно блещетъ,
Какъ Сулпанъ подъ шелковымъ шапромъ:
Кашншея оно, не помрачаясь,
Тамъ на небѣ вѣчно голубомъ.

Такъ, нося богатаго Эмира,
По равнинѣ темносинихъ водъ,
Подъ напѣвами священной флейшы,
Золошой корабль его плывешъ.

Про Воспокъ Алла сказалъ съ улыбкой:
То спрана любимая моя.
Слаще шамъ дыханіе жасмина,
Голосиспѣй пѣсни соловья.
Цвѣшъ земли и колыбель народовъ —
Тамъ плодами изукрашенъ лѣсъ;
Перлами усыяно дно моря,
Звѣздами усыянъ сводъ небесъ.

На одномъ краю моей державы
Пирамиды въ грозной красотѣ:
Думаешь ты — горы величавы,
Но, дитя, гробницы горы тѣ.

На другомъ, какъ длани великана,
Сжавъ Кишай, огромная стѣна
Бережешь державу Богдыхана:
Царствъ иныхъ чужда его страна.

Города въ моемъ краю роскошномъ ...
Имъ дивился изумленный мѣрь:
Тамъ Лагоръ на пажитяхъ зеленыхъ,
Испаганъ, Гольконда, Кашемиръ;
Тамъ Дамаскъ, Багдашъ, и гордъ, и пышень,
Какъ броней, бойницами покрышь;
Опъ Алеппо дальній говоръ слышенъ:
Будно море вдалекъ шумишь.

А Мизоръ, какъ Падишахъ на тронъ ...
А Медины пышные сады ...
Ея башни съ иглами злыми,
И кіосокъ пестрые ряды.

Такъ полки успалые, въ долинь,
Срочный нуть прошедшіе, спояшь,
И среди палашокъ разноцвѣсныхъ,
Конья ихъ подъяшья блестящъ.

Онвы ждушъ, безъ жипелей, скучая,
Ихъ приняшь подъ свой приюшній кровъ:
Точно машъ, шоскуя, одинока,
У порога ждешъ своихъ сыновъ.
Величается огромный Дели,
Что себъ подобныхъ не найдешъ,
Что двенадцашъ въ рядъ слоновъ выходящъ
Изъ его шоржешвенныхъ ворошъ.

Будешъ шамъ гуляшъ по плоскимъ кры-
шамъ,
Посреди корзинокъ п цвѣшовъ,
Иль блуждашъ съ Арабами въ нушпыняхъ,
Промежъ ихъ разсѣянныхъ шапровъ.

Иль когда успалые верблюды
Кончань пушь, вечернею порой,
Взглянемъ мы не рѣзвыхъ Баядерокъ,
Пляшущихъ веселою толпой.

Оловянный куполь Минарета
Тамъ въ пѣни роскошныхъ фигъ блещишь;
Крышею изъ раковинъ одѣшый,
Тамъ погодъ шаинспвенный спойишь.
Высялся фарфоровыя башни,
Ихъ верьхи касающа небесъ;
Алые на джонкахъ паланкины
Подъ покровомъ парчевыхъ завѣсь.

Сучья шамъ роскошнаго пламана
Я, дия, раздвину предъ тобой,
Гдѣ, въ пѣни, задумавшись, Султанша
Плещется прохладною струей.

Дѣва шамъ знакомаго ждешь звука:
Эпошь звукъ ей слаще пѣсень былъ.
Въ сердце дѣвы мы прольемъ надежду
И шепнемъ: не плачь: опъ не забылъ!

Искони Воспокъ бѣлъ раемъ свѣща —
Пышный садъ вся наша спорона:
Рощами зелеными одѣща,
Розами усыпана она.
Свѣщлая всегда межъ нами радосшь.
Улешимъкъ сиранамъ счастливымъ пѣмъ!
Тамъ безъ слезъ твоя промчипсея младосшь.
О дия, передъ шобой Эдемъ!

IV

Ф Е Я.

Западъ мой, подернушый шуманомъ
Тамъ грядями бродяшъ облака;

Ихъ спезю измѣнчивую око
Смершнаго слѣдишь издалека.
И всегда, шоской ли упомленный,
Иль веселыхъ въ обаяннн грезъ,
Онъ сидишь, задумчивосни полный,
И глядишь на мрачный сводъ небесъ.

Такъ, шому, кшо въ сердце рану носишь,
Успремлять опрадно шомный взоръ
На шуманъ, клубящійся надъ лѣсомъ,
На покpышы льдомъ вершины горъ;
На звѣзду, что свѣщишь, какъ надежда,
Одиноко, въ небѣ голубомъ;
Ту звѣзду, что при вечернемъ мракѣ,
Трепешнымъ сверкаешь серебромъ.

Богъ пріялъ шебя въ свою обипель;
Плачешь машь, опецъ шоскуешь швой;
Объ шебѣ восплачешь сводъ небесный,
Сизою завѣшенъ пеленой.

Ропотъ волнь, долины ошголосокъ,
Шумъ лѣсовъ и вѣпра буйный ревъ
Для тебѣ, дитя мое, замѣняшь
Колыбельной пѣсенки напѣвъ.

О спрѣшишь лазореваго неба ...
Тамъ, у насъ подъ занавѣсомъ тучъ,
Дикаго подъ сводами тумана
Не плѣшворень солнца жаркій лучъ.
Облака по небесамъ гуляють;
Будто изъ невѣдомой земли,
Движимые силою волшебной,
Чудные проходящъ корабли.

Захочу — и взвоешь въ морѣ вихорь,
Грозный смерчь взбунтуеши лоно водъ:
Запою — и буря оспановиши
На волнахъ губительный полетъ.

Водопады шамъ шумяшь съдые,
Валяшея алмазною рѣкой;
Я лечу — и радуги злашыя
Сшелюшея мосшами предо мной.

Ты узришь плѣнишельной Алгамбры
Порипики и топшь чудесный гропъ,
У подошвы коего, бушуя,
Въ берега волна не ровно бьешъ.
Я шалашъ сооружаю дивный,
Съ рыбакомъ — владыкою зыбей,
На развалинахъ палашь Фингала,
На песчаномъ берегу морей.

Тамъ, смупивъ спокойспвіе ночное,
Озаривъ вершины мрачныхъ горъ,
Вызванный могущимъ гласомъ Феи,
Вдругъ сверкнешъ багровый метеоръ.

И ловецъ, со скалъ повисшихъ глядя,
Мнишь, опважный, изумленья полнь,
Что комета хвостъ свой погружаетъ
Въ хладныя пучины синихъ волнь.

Мрачнаго Аббашева въ корридорахъ
Рѣзвится веселый мой народъ;
За тобой помчишься пестрой цѣпью
Саламандръ и Гномовъ хороводъ.
По ночамъ, въ лѣсахъ непроходимыхъ,
Слышишь унылый звукъ роговъ...
То за серной гонишься незримыхъ
Рой моихъ проказливыхъ духовъ.

Ты узришь шамъ замокъ величавый,
Съ рыцарскимъ гербомъ сооруженъ:
Въ замкъ томъ свяшаго Пилигрима
Разуваешь набожный Баронъ.

А здѣсь дама о пажѣ прекрасномъ
Молился, въ шоску погружена,
Предъ иконою, изображенной
На стеклѣ церковнаго окна.

Мы влѣпимъ въ гошическую церковь
И памъ двери наспежъ распахнемъ,
И въ пиши, межъ мрачными сполбами,
Рѣзвимся съ игривымъ вѣшеркомъ.
При сребристомъ мѣсяца сіяньи,
Пѣніе пирующихъ духовъ
Слышнися вокругъ сельской колокольни
И шревожишь сонныхъ паспуховъ.

О за мной!... Крыло швое слабѣешь ;
А до неба еще дологъ пушь...
Какъ заря на западѣ алѣешь! —
Весело памъ будешь ондохнушь.

Запада угрюмый край блискаетъ
Дикою, могучей красою,
И пришлецъ его предпочитаетъ
Красошамъ земли своей родной.

Г

Слушая, дыша, волшебницъ льстивыхъ,
Вѣрило коварнымъ ихъ рѣчамъ:
Видѣвъ рай младенческимъ очамъ,
И, духовъ опшвергнувъ нечестивыхъ,
Вмигъ оно помчалось къ небесамъ!

Зависит ли от этого
длина, и какой расхо-
дства от предыдущих
расхождений делая часть

Следует ли, чтобы
вспомогательные
вспомогательные
вспомогательные
вспомогательные
вспомогательные

ВЗЯТИЕ ГОРОДА.

ВОСТОЧНЫЙ ГИМНЪ.

Feu, feu, sang et ruine.

Corte Real. Le siège de Diu

BATTLE TOWN

1867

1867

1867

ВЗЯТІЕ ГОРОДА.

Исполнено велѣніе владыки :

По спогнамъ пламень блещеть и шумишь;
Твоихъ рабовъ онъ заглушаетъ крики,
И какъ заря кровавая горишь,
И весело разкидывая длани,
Онъ будно пляшетъ на обломкахъ зданій.

По улицамъ убійство воспашь,
И храмины обращены въ гробницы.
Повсюду мечь съ собою смерть влечешь:
Предъ нимъ падушь и старцы, и дѣвицы;
И врана врань на близкій пирь зовешь:
Ихъ жадныя слезающа спаницы.

Я видѣль страхъ и шепеть магическй;
И юныхъ дѣвъ рыдающихъ, смятенныхъ,
При заревѣ пожара посрамленныхъ,
Разшопанныхъ копытами коней,
Мертвѣющихъ подь бременемъ проклятій;
И лютыхъ мукъ, и дерзосныхъ обьятій.

Облекся городъ дымной пеленой,
Передъ пвоей склонялся рукой;
Жрецы, вопще молясь предъ алшарями,
Погибли всѣ подь нашими мечами.

И книга ихъ священная лежишь,
Повержена, какъ бесполезный щипъ.

Подъ камнями младенцы изможденны,
Еще живущъ—и кровь ихъ жадно щепъ
Несыпный мечъ, убійствомъ разъяренный.
Великъ Алла! . . . Покорный швой народъ
Передъ шбой колена преклоняешь,
И прахъ, Калифъ, у ногъ швоихъ лобзаешь.

И врата вил саванной текнит,
Потренил, как болювский киник

И в кавкази илькери илюв-тунд
Или зингити — и крост ил-жани илунд
Илювний керт, текнитил ил-кертунд
Вонил-илан!.. Илювний илюв-кросе
Илюв-модил илюв-кросе
Илюв-кросе илюв-кросе

СП6ГГ

ДВА ОСТРОВА.

Dites moi d'ou il est venu, je vous dirai ou il est allé

Е. Н.

ANNA OCTOBRA.

Dites moi d'on il est venu je vous dirai en il est allé

1967

ДВА ОСТРОВА.

I.

Два острова на Океанахъ
Лежашъ отдѣльно, искони,
И будио главы великановъ,
Надъ бездной высящя они.
Кшобъ не возмнилъ, когдабъ вершины
Ихъ обгорѣлыя узрѣлъ,
Что Богъ ихъ вызвалъ изъ пучины
Для поприща великихъ дѣлъ.

Спрѣлами молній сокрушенны
Курящя дымомъ шемена;
И въ берега ихъ обнаженны
Бьешъ разъяренная волна;
И воюшъ въ недрахъ ихъ волканы,
Какъ скованные великаны.

И острова тѣ, гдѣ шумяшъ
Валы межъ камней, глухо воя,
Какъ корабли, въ плѣну, безъ боя,
На вѣчномъ якорѣ спояшъ.
Они за шѣмъ, по волю Бога,
Спѣною скалъ обложены,
И непрерывною тревогой
Свирѣпыхъ волнъ окружены,
Чтобъ по словамъ его закона,
Великую пріали чеспъ:
Сей Бонапарше произвешъ,
Тотъ прахъ сокрышъ Наполеона!

Тамъ колыбель была его:
Здѣсь пихая его могила...
Сихъ словъ довольно для того,
Чтобъ ихъ вселенна не забыла.
И къ островамъ шѣмъ прїидушъ
Грядущихъ чада поколеній;
Народы міра припекушъ
На кличъ величественной шѣни.
Зачѣмъ шамъ бури шакъ ревунъ,
И воешъ вихрь на брегъ дикомъ,
Шумяшъ валы? ... Они поюшъ
Въ воспоминанье о великомъ!

Вдали ошъ нашихъ гордыхъ спѣнь,
Его десницей попрысенныхъ,
Онъ родился и погребень
На берегахъ уединенныхъ,
Чтобъ шихо въ міръ явился онъ,
И не былъ міру возвѣщенъ

Пророчесственной непогодой;
Чтобъ въ опдаеньи мирномъ могъ
Онъ испустишь послѣдній вздохъ,
Не возмушивъ покой народовъ.

II

Во цвѣтѣ лѣтъ какъ былъ задумчивъ онъ!
Какъ, на закатѣ дней, былъ преисполненъ
Глубокихъ думъ!... Герой пресытился
Своей мечшою дерзкой и безумной;
Позналъ шщепу онъ славы и преспола;
Онъ разгадалъ знаменованье сна,
Ничтожество мечпы разоблаченной.

На берегахъ опечества ему
Ужь чудились въ пророческихъ видѣньяхъ
Его вѣнецъ, побѣдой осыщенный,
И щипъ его, украшенный орломъ.

Ему, надеждь исполненному гордыхъ,
Ужь слышалась поржеспвенная пѣснь,
Копорую, передь его шапромъ,
Народъ его разноплеменный пѣль.

III

ПѢСНЬ ПОХВАЛЬНАЯ.

«Хвала ему, хвала Наполеону!
Самъ Вседержишель даль ему корону;
Предь нимъ падушъ Цари сыны Царей;
И самый Римъ, и самый Римъ великій,
Поспроенный надъ грудюю копей,
Быль пѣсенъ грозному Владыкѣ.»

«Передь его власпшельнымъ орломъ
Во всѣ снраны лепшитъ побѣдный громъ.

Онъ, межъ своихъ знаменъ окровавленныхъ,
Несешь, смиривъ Конклаву и Диванъ,
Великаго Ивана крестъ священный,
И бунчуги Магомешанъ.»

«И Мамелюкъ, подъ солнцемъ загорѣлый,
И Гошъ опважный, и Испанецъ смѣлый
Спѣшашъ, куда ихъ грозный вождь ведешь;
И въру замѣнивъ героя славой,
Его всемирный шествуетъ народъ
На биввы рашью величавой.»

«Сіянемъ гордой славы облеченъ,
Въ даръ рашнику бросаешь Царство онъ
Развѣнчанное имъ Цари вселенной
Его чершого охраняютъ прагъ,
А онъ почишь, въ биввахъ упоженный,
Какъ рыбарь на своихъ сѣняхъ.»

«До высоты, гдѣ мощный обитаетъ,
Свиспаящая гроза недосыгаешъ.
Она у ногъ вошпела шумишь,
Въ напрасной ярости, безсильно воя . . .
Пусть молнія на высоту взлетишь,
Чпобъ поразитъ главу героя!»

IV

Перунъ возникъ! Низверженный, онъ палъ,
Дымясь, сплѣтами грома пораженный;
И сонмъ Царей героя покаралъ,
Его величьемъ оскорбленный;
И на скаль пусшынной започилъ
Увѣчаннаго лаврами ширана,
И исполинъ плѣненный брошенъ былъ,
Въ глуши подъ спражу Океана.

Какъ суешную жизнь пренебрегаль
Онъ, въ започеніи, когда, уныло
Смошрѣль онъ съ лона сихъ угрюмыхъ
скаль

На угасавшее свѣшило;
Или когда по берегу блуждалъ
Песчаному онъ, грустный, одинокій —
Ошполь его въ шемницу увлекаль
Брипанецъ грубый и жестокій.

О какъ его, на судъ толпы объ немъ,
Спѣшенная душа негодовала —
Толпы, кошорая передъ челомъ
Его побѣднымъ препенала.
Возвысили торжественный свой гласъ
Соединенные народы —
И громко пѣснь прокляшья раздалась
Надъ пришешилелемъ свободы.

V

ПѢСНЬ УКОРИТЕЛЬНАЯ.

«Позоръ ему!.. Да будешь прокляшь онь!
О, разразись надъ нимъ перунъ Вселенной!
И наконецъ... о радость!... сокрушень
Колосъ ужасный и надменный!
О, упадите на главу его,
И жизнь его, и прахъ его шерзая,
Всѣ рѣки слезъ, пролишы онь него,
Вся кровь, имъ въ битвахъ пролишая!

«Пусшь Тибра, Волги, Сены съ береговъ,
Со спънь Кремля, деспотомъ сокру-
шенныхъ,
Съ полей Египша и съ Венсенскихъ рововъ,
Съ равинъ, побѣдой оглашенныхъ;

Съ полей убійствъ воспануть изъ гробовъ
Тирана жершвы, грозною спаницей:
О, пусть надъ нимъ проклятыя мершцевъ
Гремятъ, какъ слава ихъ убійцы!»

«Чтобъ вырвавшись изъ бездны роковой,
Окровавленны шъни окружали
Мучишеля, безчисленной полпой,
И шайны гроба возвъщали!
Косшями пожелтввшими спуча,
Громовыми спръллами пораженны,
Избишые ударами меча...

Всѣ вокругъ шебя, злодѣй надменный!»

«Чтобъ одержимъ сынъ счастья и войны
Былъ спрахомъ близкой смерти, дни и ночи;
Чтобъ были слезъ ручьемъ орошены
Его пошупленные очи!»

Сковали спражи кольцами цѣпей
Не вѣдая о славу бога брани,
Успавшія склоняють главы Царей,
Его губительныя длани.»

«Онъ думалъ, что, счастливецъ, наложилъ
На самый жребій Франціи оковы;
Но Богъ пришелъ, дохнулъ и угасилъ
Тирана пламенникъ багровый.
Онъ своему врагу, о вѣчный Римъ,
Съ поржешивенной низвергнувъ коле-
сницы,
На сей земль даль, гнѣвомъ одержимъ,
Лишь семь паденей для гробницы.»

«И прахъ безумца Океанъ пріялъ.
Вошце онъ, гордый, въ Сень Дени бо-
гатомъ,
Свой памятникъ надгробный украшалъ
Сребромъ, и мраморомъ, и златомъ.»

Богъ восхошѣлъ, чшобъ дерзосшна яшѣнь
Сонъ царшвенныхъ шѣней не возмушила;
Чшобъ мирная не посрамилась сѣнь
Его опшверженной могилой.»

VI

О какъ горька осушенная чаша!
Нась усыпляешь упоенье ; ужась
Пробудить насъ. Надеждъ предаемъ
Мы въ юности разсудокъ легковѣрный;
Но, пресыщенные, взглянувъ на жизнь
Съ другой стороны ея , шрепещемъ въ
спрахъ.

На высь горы величешвенной глядя,
Дивимся мы ея вершинѣ грозной

Копорая, подъ бременемъ спольшій,
Не преклоняетъ своего чела ;
Ея лѣсамъ какъ епанчѣ зеленой
Нараменахъ скалъ дикихъ разпроспершой;
И сизому волнистому шуману,
Ввнчающему гордую главу.

Взойдите же на чудную вершину . . .
Вы думаете, что небесъ достигли :
Вы заблудились въ мрачныхъ облакахъ,
И видъ горы прекрасный измѣнился:
То чаща дикая спольшнихъ елей,
Непроницаемымъ покрыва мракомъ ;
Тамъ съ молніей и шучею громовой
Спремисельные борящся попоки.

VII

Онъ, жертва славы обольстительной,
Обманы рока испыталь :

Былъ на пресполѣ Царь власнишельный,
Былъ рабъ средь обнаженныхъ скалъ.
Пишите два бышописанія
Объ немъ: одно, когда, молодой,
Изобрѣпаль завоеванія
Онъ, средь шревоги боевой.
Другое, какъ онъ, въ започеніи,
Нѣмой задумчивости полнъ,
Воспоминаль, при шумѣ волнъ,
Свои мечпы и заблужденія.

На Корсиканскихъ берегахъ,
Свящой Елены на скалахъ,
Въ ночи, порой, какъ шапъ по зданіямъ,
На шеменахъ угрюмыхъ горъ,
Сверкая шрепешнымъ сіяніемъ,
Блуждаешъ грозный метеоръ.
Сей призракъ, у побережья дикаго,
Пловець, увидя, говоришь:
То шѣнь воишела великаго;

Его величественный видъ!
Такъ, это онъ!... и длани мощныя
На персяхъ сложены креспомъ:
И дума, будшо мгла полночная,
Нависла надъ его челомъ.
Пришелъ, одѣянный шуманами,
На пиръ послѣдній въ сихъ моряхъ,
Господствовалъ надъ ураганами,
Какъ онъ господствовалъ въ бояхъ!

VIII

Корону у него судьба опъяла;
Но рокъ герою двѣ опчизны далъ:
Одну средь волнъ, носившихъ Аннибала;
Другую шамъ, гдѣ Васко пробѣгалъ.
Когда, въ вѣкахъ, о памяти священной
Великаго попомешву возвѣспяшъ:
При имени его, съ концевъ вселенной
Два опголоска возгремяшъ.

Такъ изъ морширы бомба, вылепая,
Убийственная, огненной дугой
На мрачномъ небѣ путь обозначая,
Спускается надъ препешной стѣной;
Пошомъ она, какъ коршунъ разъяренный,
Теребишь шреть, объ землю бьешь
крыломъ.
Бросается на городъ сокрушенный
И рвешь гранишь.., повсюду прескъ и
громъ.

Упала бомба, но еще дымишь
Широкое и мрачное жерло,
Изъ коего по воздуху спремись
Свистящее, тяжелое ядро;
Изъ недръ своихъ оно карпечъ бросаетъ,
И зажигага, угасаетъ.

А Т Л А С Ъ.

Oestuat infelix.

A. T. L. A. C. P.

С 1667

Original in Latin

И в пещере дубовой
 И в пещере дубовой

А Т Л А С Ъ.

Но шёл, вёл, вёл
 Твою главою обременённой,
 За днём и ночью, и ночью
 Как вихорь, летящий
 Что, дерзкий, слышит — дай
 —

На брегъ морскомъ возвышаясь, холмы
 Надменному Апласу молвили слово:

Взгляни, какъ роскошны и зелены мы,
 И каждый увѣнчанъ кудрявой дубровой.

Къ намъ дѣва младая въ дуброву придетъ,
Играетъ на волѣ и пѣсни поетъ.

А наши спяпы красною блистають:

Ихъ волны морскія, шумя, лобызаютъ.

Какая на нашихъ вершинахъ краса!

Гдѣ роза горитъ, гдѣ шипитъ лилея:

Жемчужной слезой ихъ вспоила роса,

Ихъ знойное лѣто взрослоло, лелея.

Но ты, великанъ, для чего надъ главою,

Твоею главою обнаженной, высокою,

За чѣмъ и дневной, и ночью порой,

Какъ вихорь, летаетъ орелъ краснокой?

Кто, дерзкій, склонилъ — дай намъ,

Апласъ, опвѣтъ! —

Твои рамена, твой граничный хребетъ?

Скажи власпелинъ надъ спраною окре-

спной

За чѣмъ въ твоихъ недрахъ споль спраш-

ныя бездны?

За чѣмъ, искони, пы снѣгами покрытъ,
Ударами молній и бурей разбишь?
Твоя голова черной пучей обвита?
Чья длань на челѣ борозды провела,
На коемъ весна никогда не цвѣла?
За чѣмъ оно пылью и пѣпомъ покрыто?
Ошвѣществуешь Апласъ имъ въ эпихъ

словахъ :

— За шѣмъ, что я землю держу на
плечахъ.

К О Н Е Ц Ъ .

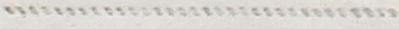

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Пиршественная пѣснь Нерона	1
Воинскій кличъ Муфши	11
Невѣсна Липаврщика, (Баллада)	15
Прощальная пѣснь Аравишянки	27
Рамоцу Герцогу де Бенавъ	35
Ешва, (Баллада)	45
Фея и Пери, (Баллада)	53
Взятіе Города	73
Два Острова	79
Апласъ	97

24

ОТЛАВЛЕНІЯ.

Сторона.

1	Иркутская провинция
11	Донской казак Мушкетер
15	Иркутская губерния; (Валдай)
27	Иркутская провинция
35	Лавру Третьяков
45	Лавра, (Валдай)
55	Век и Пери, (Валдай)
75	Восток Гора
79	Два Острова
87	Амурская

Служба

СПбГУ

С 1767